

ВИКТОР ПЕЛЕВИЙ

Annotation

Мастер боевых искусств граф Т. пробирается в Оптину Пустынь. На пути ему встречается каббалистический демон Ариэль, который утверждает, что создал мир и самого графа Т. И это очень похоже на правду...

Виктор Пелевин

Т

...солдат забытой Богом страны, Я герой — скажите мне, какого романа? I'm a soul, Джа.

Пятница

Часть 1
Железная борода

Когда дорога пошла в гору, старенький паровоз сбавил ход. Это было весьма кстати — за окном открылась панорама удивительной красоты, и оба пассажира в купе, только что закончившие пить чай, надолго погрузились в созерцание.

На вершине высокого холма белела дворянская усадьба, возведенная, несомненно, каким-то расточительным сумасбродом.

Здание было красивым и странным: оно напоминало не то жилище эльфов, не то замок рыцарей-монахов. Белые шпили, стрельчатые окна, легкие мраморные беседки, поднимавшиеся из причудливо стриженных кустов парка — все это казалось нереальным на сквозном российском просторе, среди серых изб, косых заборов и торчащих по огородам пугал, похожих на кресты с останками еще при Риме распятых рабов.

Но даже необычнее белого замка выглядел пахарь, идущий за плугом по склону холма. Это был высокий чернобородый мужчина мощного сложения, одетый в длинную рубаху. Его ноги были босы, а ладони лежали на ручках деревянного плуга, который тянул за собой конь-битюг.

— Вы не находите, ваше священство, что в этой картине есть нечто библейское?

Вопрос задал пассажир с густыми рыжеватыми усами, одетый в коричневую клетчатую пару и такое же кепи. А обращен он был к молодому священнику в черном клобуке и темно-фиолетовой рясе, сидевшему напротив.

Священник, очень похожий на оставшегося за окном пахаря сложением и бородой, отвернулся от стекла и с любезной улыбкой спросил:

— Что же вы в этом находите именно библейского, сударь?

Господин в клетчатом кепи чуть смутился.

— Нечто первозданно-величественное, вернее будет сказать, — ответил он. — Библия, как мы знаем, тоже относится к первозданному и величественному. В таком вот сопоставительном ключе-с. Извините, если неподобающе высказался.

— Ну что вы, — ответил священник. — Не следует быть настолько апологетичным.

— Простите, как?

— Апологетичным, склонным приносить излишние извинения. Миряне при разговоре со священством всегда стараются упомянуть о духовном. Дурного здесь нет, наоборот — отрадно, что мы одним видом своим поворачиваем помыслы к высоким предметам...

— Кнопф, — представился клетчатый господин. — Ардальон Кнопф, торговля скобяными товарами. Я, кажется, так и не назвался. А вы — отец Паисий, я помню.

Священник наклонил черный клобук.

Кнопф опять повернулся к окну. Усадьба и пахарь были все еще видны.

— А знаете ли, что за таинственный замок на холме, отец Паисий? Это Ясная Поляна, усадьба графа Т.

Он выговорил так — «графа Тэ».

— Неужели? — вежливо, но без интереса переспросил священник. — Какое странное имя.

— Графа стали так называть из-за газетчиков, — пояснил Кнопф. — Рассказывая о его похождениях, газеты никогда не упоминают его настоящей фамилии, чтобы не попасть под статью о диффамациях. Эта кличка теперь у него вместо имени.

— Романтично, — улыбнулся священник.

— Да. А по склону, надо думать, идет сам граф Т. У него это завместо утреннего моциона-с. Великий человек.

Отец Паисий сделал вежливое движение плечами, как бы одновременно и пожимая ими в

недоумении, и соглашаясь с собеседником.

— А что же, — ответил он, — несколько часов крестьянского труда не повредят и графу.

— Осмелюсь задать вопрос, — быстро проговорил Кнопф, словно только и дожидавшийся этой секунды, — а как вы, ваше священство, относитесь к отлучению графа Т. от церкви?

Священник посерьезнел.

— Это крайне трагический факт, — сказал он тихо, — ибо что может быть скорбнее изгнания чада церкви из ее лона? Но причиной, видимо, являются греховные и непотребные деяния графа. Которые мне, впрочем, не вполне известны.

— Непотребные деяния? Тут я осмелюсь возразить вашему священству. Граф Т. — один из высоких нравственных авторитетов нашего времени. И его величие от отлучения ничуть не умалилось. А вот авторитет церкви-с...

— Какие же у вас имеются основания считать графа Т. нравственным авторитетом? — полюбопытствовал священник.

— Как же-с. Защитник угнетенных, благородный аристократ, не боящийся бросить вызов злу там, где бессильны полиция и правительство... Кумир простых людей. Любимец женщин, наконец. Настоящий народный герой, хоть и граф! Неудивительно, что его начинает опасаться даже правящий дом.

Слова «правлящий дом» Кнопф выговорил шепотом, выразительно выпучив глаза, и ткнул пальцем вверх.

— Суета сует, и всяческая суета, — проговорил отец Паисий с улыбкой. — Нравственный авторитет покупается ценой гонений и мук и не связан с одобрением толпы. Иначе придется приписать его и танцовщице, которая по вечерам поднимает голые ножки перед лорнирующим залом.

И отец Паисий показал двумя пальцами, как именно поднимаются ножки.

— Однако же граф Т. не танцовщица, — возразил Кнопф. — И гонений отнюдь не избежал. Знаете ли вы, что за ним установлен тайный надзор полиции и ему запрещено покидать усадьбу? Власти якобы опасаются за его рассудок. По слухам из семейных кругов, граф принял решение уйти в Оптину Пустынь.

— Оптину Пустынь? — отец Паисий нахмурился. — А с какой целью? И что это такое?

— Цель графа мне неизвестна. А о смысле сих слов говорят очень разное. Одни полагают, что это некий тайный монастырь, где граф собирается получить духовное напутствие у святых старцев-схимонахов. Другие утверждают, что «Оптина Пустынь» есть принятое у секты исихастов обозначение предельного мистического рубежа, вершины духовного восхождения, и это не следует понимать в географическом смысле. Третьи, в правительственных кругах... Совсем не представляю их мыслей, но по какой-то причине намерение графа проникнуть в Оптину Пустынь представляется им опасным. И наперерез Железной Бороде посланы лучшие агенты охраны.

— Железной Бороде? — переспросил священник.

— Да, так графа называют в Третьем отделении.

— Откуда у вас эти сведения?

Кнопф с готовностью вынул из кармана сложенную газету:

— А вот, пишут в «Петербургских Дребезгах».

Священник засмеялся.

— На вашем месте я не придавал бы значения слухам, которые распространяют подобные издания. Это все пустые сплетни, поверьте мне.

Кнопф посмотрел на часы, потом внимательно глянул на священника.

— Однако же сведения о домашнем аресте графа самые доподлинные, — сказал он. — У

меня, знаете ли, есть знакомства в полиции. Мне это по секрету рассказали. И еще много интересного.

— Что же именно, позвольте полюбопытствовать?

— Говорят, — сказал Кнопф, пристально глядя на отца Паисия, — граф Т. завел себе двойника, высокого детину из крестьян. Сделал ему бороду из старого парика. И отправляет пахать к курьерскому каждый раз, когда хочет незаметно исчезнуть из усадьбы. А сам скрывается в переодетом виде. Садится на поезд, вот как раз где вы вошли, батюшка, и едет себе по делам...

— Вон оно что, — отозвался отец Паисий. — Интересно. Однако же, господин Кнопф, для торговца скобяными товарами вы очень осведомлены о полицейских делах.

— А вы, батюшка, для священника переизбыточно экипированы. Вон какой у вас револьверище-то под рясой, рукоять аж выпирает. Зачем вам такой?

Священник сунул руку под рясу и вытащил оттуда длинный сверкающий револьвер.

— Этот-то? — спросил он, с некоторым словно бы удивлением осмотрев его. — Да от волков. Приход наш в лесах, путь от станции далекий. Дорога дальняя, да ночь темная...

— «Саваж», французский? — промурлыкал Кнопф. — Хорош. А давайте я вам свой покажу...

И он вытащил из-за пазухи горбатый полицейский «смит-и-вессон».

Странное положение дел сложилось в купе.

Фиолетовый священник и клетчатый господин сидели на своих кожаных диванах с револьверами в руках — и не то чтобы прямо угрожали ими друг другу (разговор их был скорее шуточный и веселый), но все же ясно и недвусмысленно направляли нарезные стволы друг на друга.

— И раз уж мы заговорили про графа Т., — сказал Кнопф. — Знаете ли вы, что такое непротивление злу насилием?

— Конечно, — ответил священник, поигрывая револьвером. — Это морально-этическое учение о недопустимости воздаяния злом за зло. Оно опирается на евангельские цитаты, правда, произвольно подобранные. Господь наш действительно сказал «ударившему тебя по правой щеке подставь левую». Но господь сказал и другое — «не мир я принес, но меч...»

— Моральное учение, говорите? — спросил Кнопф, поглаживая пальцем барабан. — А у меня другие сведения.

— Какие же?

— Граф Т. всю жизнь обучался восточным боевым приемам. И на их основе создал свою школу рукопашного боя — наподобие французской борьбы, только куда более изощренную. Она основана на обращении силы и веса атакующего противника против него самого с ничтожной затратой собственного усилия. Железная Борода достиг в этом искусстве высшей степени мастерства. Именно эта борьба и называется «непротивление злу насилием», сокращенно «незнас», и ее приемы настолько смертоносны, что нет возможности сладить с графом, иначе как застрелив его.

Рассказ Кнопфа определенно действовал на отца Паисия — тот испуганно схватился рукой за бороду, словно опасаясь каких-то последствий для нее от этого рассказа. Ствол его револьвера, однако, по-прежнему смотрел в сторону Кнопфа.

— Железная Борода, — сказал он, вытаращив глаза, — вот оно что... А почему такая странная кличка?

Кнопф пожал плечами.

— Азия-с... А упомянутый вами моральный аспект непротивления злу — это просто декоративная философия, которую азиаты так любят присовокуплять к своим кровожадным

военным искусствам. Поэтому преследователям, которые посланы в погоню за графом Т., велено открывать огонь, если он попытается оказать сопротивление.

— Какие ужасы вы рассказываете, — охнул отец Паисий. — Неужели они прямо-таки станут стрелять в этого отверженного? Ведь смерть вне лона церкви, пока над ним довлеет анафема — это верная дорога в геенну!

— Ах, батюшка, а что же делать служивым людям? Ведь графа иначе не взять. Это ужасный противник — хотя, надо признать, руки в крови он старается не пачкать. Его азиатская философия именно в том, чтобы не отвечать ударом на удар, а возвести между собой и противником смертельную преграду, о которую расшибется атака, а вместе с ней и атакующий. Препона может быть любой, и в умении создавать ее графу Т. нет равных.

— Значит, в графа будут стрелять? — переспросил отец Паисий. Он, казалось, никак не мог вместить эту ужасную мысль.

— Боюсь, что да, — сокрушенно подтвердил Кнопф.

В воздухе повисло напряженное молчание. А затем дневной свет вдруг померк и наступила тьма — поезд въехал в туннель, и перестук колес, отраженный от каменных стен, сразу заглушил все остальные звуки.

Неизвестно, что именно происходило в грохочущей темноте в следующую минуту или две. Но, когда опять стало светло, купе выглядело более чем странно.

В воздухе плавали клубы сизого порохового дыма. В оконном стекле зияли три пулевые пробоины. Простреленный клобук отца Паисия валялся на полу. Бессознательный Кнопф с багровым кровоподтеком на лбу лежал на кожаном диване, открыв рот и выставив перед собой связанные собственным галстуком руки. А отец Паисий возился с замками окна.

В дверь купе громко постучали. Отец Паисий никак на это не отреагировал — только удвоил усилия. Но окно не поддавалось: видимо, деревянная рама разбухла от сырости, и ее заклинило.

В дверь постучали еще раз.

— Отоприте!

— Одну секунду, господа, — откликнулся отец Паисий. — Мне только надо одеться.

С этими словами он примерился и ударил ногой в окно. Пробитое пулями стекло лопнуло и исчезло под ударом ветра. Быстро выдернув из рамы самые крупные осколки, отец Паисий швырнул их следом.

— Не валяйте дурака, открывайте немедленно! — раздалось из коридора. — Иначе мы выломаем дверь!

— Сейчас, сейчас...

Отец Паисий выглянул в окно. Впереди была широкая река — поезд уже подъезжал к мосту.

— Отлично, — пробормотал он.

В дверь ударили, и отец Паисий заспешил. Отвернув нижний край рясы, он высвободил две пришитых к ее кромке петли и, словно в стремяна, вдел в них башмаки. Такие же две петли оказались в рукавах; отец Паисий продел в них ладони. После этого он залез на столик и присел на корточки перед выбитым окном, похожим на квадратную пасть с редкими прозрачными зубами. Раздался сильнейший удар, и дверь слетела с петель. В купе ввалились люди с револьверами в руках — их было много, и они мешали друг другу. Прежде, чем они добрались до стола, отец Паисий сильно оттолкнулся от него ногами и выбросился из поезда.

Преследователи бросились к окну. Первый из них, вскочив на столик, отважно прыгнул следом — и с жутким стуком врезался головой в ферму моста, вдруг возникшую из пустоты. Его тело отлетело от чугунной конструкции, ударилось о вагон и мешком свалилось на землю. В купе раздались крики досады и гнева. Затем из окна высунулся другой преследователь с двумя

револьверами в руках.

За фермами моста видна была спокойная, будто застывшая на дагерротипе, река под сенью высоких перистых облаков. Над водой, как полный ветра зонт, парила фиолетовая ряса отца Паисия. Скользя по воздуху огромной белкой-летягой, он приближался к поверхности воды.

Захлопали выстрелы. Одна пуля отрикошетила от фермы, остальные подняли фонтанчики над рекой. А затем толпящиеся в купе люди потеряли отца Паисия из вида.

Сброшенная ряса медленно уплыла в подводную мглу, и на поверхность реки вынырнул уже не отец Паисий, а граф Т. — молодой чернобородый мужчина в белой рубахе без ворота. Глубоко вдохнув, он открыл глаза и посмотрел в небо.

Свод ровных перистых облаков казался крышей, превратившей пространство между землей и небом в огромный открытый павильон — прохладный летний театр, в котором играет все живое. Было тихо, только откуда-то издали доносился шум уходящего поезда, и еще слышался мерный плеск воды, словно кто-то через равные интервалы времени кидал в воду пригоршни камней.

Несмотря на только что пережитую опасность, Т. ощутил странный покой и умиротворение. «Небо редко бывает таким высоким, — подумал он, щурясь. — В ясные дни у него вообще нет высоты — только синева. Нужны облака, чтобы оно стало высоким или низким. Вот так и человеческая душа — она не бывает высокой или низкой сама по себе, все зависит исключительно от намерений и мыслей, которые ее заполняют в настоящий момент... Память, личность — это все тоже как облака... Вот, например, я...»

Вдруг настроение Т. самым резким образом переменялось. Умиротворение исчезло, сменившись внезапным испугом — Т. даже сделал несколько произвольных резких гребков.

«Я... Я?? Почему я ничего не помню? Контузило пулей? Стоп... Этот человек, Кнопф, сказал, что меня зовут граф Т. и я пробираюсь в Оптину Пустынь. А откуда я ехал? Ага, он сказал — из Ясной Поляны, это усадьба, которую мы видели за окном... Но зачем я ехал из Ясной Поляны в эту Оптину Пустынь?»

Т. огляделся.

Из-под моста показался корабль. Он был странного вида — похож на большую баржу, но отчего-то с веслами, торчащими из люков в бортах. Весла слаженно поднимались над рекой, замирали на миг и рушились назад в воду, производя тот самый плеск, который Т. слышал уже с минутой.

Чем ближе подплывал корабль, тем больше открывалось необычных деталей. Его украшало подобие носовой фигуры — копия Венеры Милосской на дощатом постаменте (судя по нежной игре света, это был настоящий мрамор). На носу корабля, как на греческой триере, были намалеваны два бело-синих глаза, а над палубой возвышалась надстройка, удивительно похожая на небольшой одноэтажный дом из какого-нибудь уездного городка. Однако, несмотря на все эти художества, было видно, что корабль — никакая не триера, а просто большая грузовая баржа.

Оказавшись возле борта, Т. поплыл под весельными люками. За ними сидели хмурые мужики в подобии греческих хитонов из серой сермяги. Никто из них даже не посмотрел в сторону Т., плывшего совсем рядом.

«Землепашцы, — подумал Т., стараясь держаться ближе к борту. — Оторванные от естественной стихии, превращенные в рабов чужой прихоти... Впрочем, поставить землепашца у станка на городской фабрике — это ведь, в сущности, такое же точно издевательство...»

Последний в ряду люк оказался пустым — пространство за ним было отделено от остальной части трюма перегородкой, за которой можно было спрятаться. Ухватившись за край дыры, Т. подтянулся и, стараясь не производить шума, влез внутрь. Кажется, его никто не заметил.

В трюме пахло мякиной и потом. Мужики, сидевшие на приделанных к полу скамьях, слаженно ухали, раскачиваясь взад и вперед. В проходе стоял надсмотрщик, одетый в такой же сермяжный хитон, что и на гребцах, только с серебряной пряжкой на плече. Он задавал ритм,

ударяя в медный таз деревянной колотушкой в виде головы барана.

Дождавшись, когда он отвернется, Т. толкнул дверь с грубо нарисованным Аполлоном-лучником и выскользнул из трюма. За дверью была узкая деревянная лестница. Поднявшись по ней, Т. вышел на палубу.

Почти все ее пространство занимала надстройка, похожая на вытянутый одноэтажный дом. Собственно, это и был самый настоящий одноэтажный дом — с жестяной крышей и фальшивыми колоннами, отсыревшая штукатурка которых кое-где отвалилась, обнажив сосновую дранку. В стенах, как и положено, были окна и двери.

Т. осторожно заглянул в окно. За плотными шторами ничего не было видно.

Внезапно ближайшая дверь приоткрылась, и тихий мужской голос позвал:

— Ваше сиятельство! Быстрее сюда!

Т. подошел к двери. За ней оказался чулан с разным хламом на полках. Людей внутри не было.

— Входите же, — настойчиво повторил непонятно откуда раздающийся голос.

Т. шагнул внутрь, и дверь закрылась, словно притянутая пружиной. Вокруг сразу сгустилась чернильная темнота. Как Иона в чреве кита, подумал Т. и вдруг отчетливо представил себе библейского пророка — в желтых ризах, с виноватым умильным лицом и длинными волнистыми волосами, обильно смазанными маслом.

— Если вы осторожно отступите назад, — сказал голос, — вы нащупаете за собой стул. Присаживайтесь.

— Я вас не вижу. Вам угодно прятаться?

— Прошу вас, граф, присядьте.

Т. опустился на стул.

— Кто вы такой? — спросил он.

— А сами вы кто?

— Поскольку вы обратились ко мне «ваше сиятельство», — ответил Т., — я предполагаю, что вам это известно.

— Мне-то известно, — произнес голос. — А вот известно ли вам?

— Я граф Т., — ответил Т.

— А что такое «граф Т.»?

— То есть?

В темноте раздался смех.

— У вопроса есть, например, философский аспект, — сказал голос. — Можно долго выяснять, что именно называется этим словосочетанием — нога, рука, полная совокупность частей тела или же ваша бессмертная душа, которую вы никогда не видели. Однако я не об этом. Говорят, в Ясной Поляне вас посещают индийские мудрецы, вот и ведите подобные беседы с ними. Мой вопрос имеет чисто практический смысл. Что вы про себя помните и знаете, граф Т.?

— Ничего, — честно признался Т.

— Очень хорошо, — сказал голос и снова хихикнул. — Именно так я и предполагал.

— Вы не сказали, кто вы.

— Я тот, — ответил голос, — кто имеет безграничную власть над всеми без исключения аспектами вашего существа.

— Смелое заявление, — заметил Т.

— Да, — повторил голос, — над всеми без исключения аспектами.

— Я должен верить вам на слово?

— Отчего же на слово. Я могу представить доказательство... Например, такое: объясните, пожалуйста, почему совсем недавно, подумав о пророке Ионе, вы вообразили его одетым в

желтое? Не в зеленое, не в красное, а именно в желтое? И почему его волосы были в масле?

Повисла долгая пауза.

— Должен признаться, — отозвался наконец Т., — вы меня изумляете. Откуда вам это известно? Я не имею привычки бормотать вслух.

— Вы не ответили.

— Не знаю, — сказал Т. — Должна ведь на нем быть одежда. А масло на волосах... Видимо, случайное сближение... Дайте вспомнить... Подумалось отчего-то о пьяных рубенсовских сатирах, которые тут совершенно ни при чем... Но каким образом...

Т. не договорил — ему показалось, что темнота впереди сгустилась в угрожающий твердый клин, который вот-вот ударит его прямо в грудь, и он ощутил необходимость срочно предпринять какое-то действие. Стараясь двигаться бесшумно, он сполз со стула на пол и пригнулся. Ощущение опасности ушло. А еще через миг Т. перестал понимать, почему так вышло, что он стоит на коленях, упершись руками в пол.

— Ну, — сказал голос насмешливо, — это тоже случайное сближение? Я имею в виду пережитый вами страх перед темнотой? И странное для аристократа желание встать на четвереньки?

Т. поднялся с пола, нащупал стул и снова сел на него.

— Прошу вас, объяснитесь, — сказал он. — И прекратите эти выходки.

— Поверьте, я не получаю от них никакого удовольствия, — ответил голос. — Просто теперь вы на опыте знаете, что источник всех ваших мыслей, переживаний и импульсов находится не в вас.

— Где же он?

— Я уже сказал, этот источник — я. Во всяком случае, в настоящий момент.

— Одни загадки, — сказал Т. — Я хочу вас увидеть. Зажгите свет.

— Что же, — отозвался голос, — это, пожалуй, можно.

Загорелась спичка. Т. не увидел перед собой никого. Ничего необычного в чулане тоже не было: какие-то тюки, банки и бутылки на полках. В самом темном углу померещилось шевеление — но это оказалась просто дрожащая тень от мотка веревки.

Была, впрочем, одна странность.

Спичка, которая зажглась в двух шагах от Т., висела в пустоте.

Плавно спустившись вниз, она зажгла стоящую на ящичке керосиновую лампу, причем ее колпак сам собой поднялся и опустился на огонек. Затем колесико лампы повернулось, и огонек из красновато-желтого стал почти белым.

Перед лампой никого не было. Но Т. заметил на стене напротив еле заметный контур человеческого тела — тень, которую отбросил бы стоящий у лампы человек, будь он почти прозрачным.

Вскочив, Т. вытянул руку, чтобы коснуться прозрачного человека — но его рука схватила воздух.

— Не трудитесь, — сказал голос. — Вы сможете схватить меня руками только в том случае, если я захочу этого сам — а я не хочу. Дело в том, что я создаю не только вас, но и все вами видимое. Я выбрал стать тенью на стене, но точно так же я могу стать чем угодно. Как создатель, я всемогущ.

— Как ваше имя?

— Ариэль.

— Простите?

— Ариэль. Вы «Бурю» Шекспира помните?

— Помню.

— Пишется так же, как имя из «Бури». Приятно было познакомиться, граф. На этом наше первое свидание заканчивается. Сегодня я появился перед вами, чтобы сказать — успокойтесь и ведите себя так, словно все в порядке и вы уверены в себе и окружающем.

— Но я не уверен в себе, — ответил Т. шепотом. — Наоборот. Я ничего про себя не помню.

— В вашей ситуации это нормально. Никому не жалуйтесь, и все придет в норму.

— Я не знаю, куда и зачем я иду.

— Вы это уже знаете, — отозвался Ариэль. — Вам объяснили — вы идете в Оптину Пустынь. Так что возвращайтесь на палубу и продолжайте путешествие.

Т. показалось, что последние слова донеслись откуда-то совсем издалека. Прозрачная тень на стене исчезла, и сразу вслед за этим погасла лампа. Некоторое время Т. сидел в темноте, даже не пытаясь связно думать. Затем он услышал звуки струн. Встав, он нащупал дверь, открыл ее и решительно шагнул в полосу солнечного света.

Навстречу ему по палубе двигалась странного вида процессия.

Впереди шествовал молодой безбородый мужик, одетый в грубую тунику из сермяги — такую же, как на гребцах. В его волосах блестел золотой веноч, а руки сжимали лиру, струны которой он тербил с задором опытного балалаечника, морща лицо и приборматывая что-то вслух. Следом шла полная дама, одетая в многослойный хитон из легкой полупрозрачной ткани. За дамой шли два мужика со сделанными из перьев опахалами в руках — они работали слаженно и четко, как пара деревянных кузнецов-медведей на общем стержне: когда один опускал опахало к голове дамы, другой поднимал свое, и наоборот.

Увидев Т., дама остановилась. Смерив взглядом его мускулистую фигуру в мокрой рубаше и плотно обтягивающих ноги панталонах со штрипками, она спросила:

— Кто вы, милостивый государь?

— Т., — ответил Т. — Граф Т.

Дама недоверчиво улыбнулась.

— Значит, это не просто внешнее сходство, — сказала она. — Какая честь для бедной провинциалки! Сам граф Т... Я княгиня Тараканова к вашим услугам. Но чем обязана удовольствию видеть вас в гостях, ваше сиятельство? Опять какое-нибудь безумное приключение, о котором будут писать все столичные газеты и болтать все салоны?

— Видите ли, княгиня, я ехал в поезде, но отстал от него и упал с моста в реку. Не появившись из-под моста ваш корабль, я бы, наверно, утонул.

Княгиня Тараканова засмеялась, кокетливо закатывая глаза.

— Утонули? Позвольте вам не поверить. Если хоть часть тех историй, которые о вас рассказывают, правда, вы способны проплыть всю эту реку под водой. Но на вас мокрая одежда? И вы голодны?

— Признаться, насчет голода вы угадали.

— Луций, — сказала княгиня мужику с опахалом, — проводи графа в комнату для гостей. А как только он переоденется в сухое, веди к столу.

Она повернулась к Т.

— Сегодня у нас на обед семейное блюдо. Brochet tarakanoff, щука по-таракановски.

— Вообще-то я придерживаюсь вегетарианской диеты, — сказал Т. — Но ради вашего общества...

— Какое вино будете пить?

— Писатель Максим Горький, — с улыбкой произнес Т., — обычно отвечал на этот вопрос так: «хлебное». За что его очень ценили в славянофильских кругах, но недолго любили в дорогих ресторанах... Ну а я предпочитаю воду или чай.

Через четверть часа Т., одетый в халат красного шелка и свежепричесанный, вошел в столовую.

Столовая оказалась просторной комнатой, украшенной копиями античных скульптур и древним бронзовым оружием на стенах. Вокруг изысканно сервированного стола были расставлены банкетки, накрытые мягкими разноцветными покрывалами; княгиня Тараканова уже возлежала на одной из них. Т. понял, что пустое ложе напротив приготовлено для него.

На огромном овальном блюде, занимавшем всю центральную часть стола, покоилось какое-то небывалое существо — дракон с зеленой гривой и четырьмя изогнутыми лапками. Он выглядел пугающе реально.

— Make yourself comfortable, граф, — сказала княгиня. — Хлебного вина у меня нет, зато

есть недурное белое. Мускаде сюр ли. Хотя вообще я не люблю Бретань...

Она указала на серебряное ведерко, из которого торчало бутылочное горлышко.

Устроившись на ложе, Т. взял салфетку и уже хотел заправить ее за ворот халата, но понял, что это трудно будет сделать, лежа на животе — да и ни к чему.

— Так это и есть ваша щука? — спросил он. — Никогда не догадался бы, не предупреди вы меня заранее. Для щуки, пожалуй, великовато...

— Щука по-таракановски — очень необычное блюдо, — сказала княгиня с гордостью. — Она делается из нескольких крупных рыб, незаметно соединенных вместе. В результате получается дракон.

— А из чего сделаны его лапки?

— Из угрей.

— А эта зеленая шерстка?

— Укроп.

Дракон действительно был сделан с большим мастерством — невозможно было заметить место, где одна рыбина соединялась с другой. Он кончался замысловато изогнутым рыбьим хвостом, а начинался щучьей головой с широко разинутой пастью: эта голова была гордо поднята вверх и украшена кавалерийским плюмажем из зелени и полосок цветной бумаги.

— Зачем убивать столько живых существ, чтобы насытить двух представителей праздного сословия? — меланхолично спросил Т.

— Не волнуйтесь, граф, — улыбнулась княгиня. — Я знакома с вашими взглядами. Уверяю вас, ни одно живое существо не погибло зря. Кроме нас с вами, на корабле много едоков.

— О да, — сказал Т. — Я заметил. Когда проходил через трюм.

Княгиня покраснела.

— Вы, возможно, считаете, что я эксплуатирую этих людей? — спросила она, произнося иностранный глагол через «о». — Ничуть. Это бывшие бурлаки, и для них такая работа привычна. Вы сами, граф, часто говорите газетчикам о пользе физического труда на свежем воздухе. Кроме того, поработав у меня год или два, они накопят себе на старость. Поэтому не спешите меня осуждать.

— Как я могу осуждать свою спасительницу, что вы. Я мог бы только отметить некоторую экстравагантность вашего вкуса... — Т. отпил из бокала, — вашего безупречного вкуса, княгиня. Великолепное вино.

— Благодарю, — сказала княгиня. — Я понимаю, что мой образ жизни может показаться странным. Эдакая пародия на античность. Помещица бесится с жиру. Но только во всем этом, уверяю вас, есть глубокий духовный смысл. Помните узелочки, которые завязывают на платке, чтобы не забыть о чем-то важном? Вот и здесь тот же принцип. Такова была последняя воля покойного князя. Моя жизнь устроена подобным образом для того, чтобы все вокруг заставляло меня помнить о главном.

— О чем же? — спросил Т. с неподдельным интересом.

— Попробуйте догадаться с трех раз, граф.

— Я вряд ли сумею.

— Могу помочь. Что приходит вам на ум, когда вы думаете об античности?

— Ну... — Т. замялся.

— Об этом сразу забудьте, — хохотнула княгиня, — шалунишка... Что еще?

Т. посмотрел на набор гладиаторского снаряжения, висящий на стене.

— Цирковые бои?

Княгиня отрицательно покачала головой.

Т. поглядел на Артемиду с ланью, потом на Аполлона, целящего куда-то из воображаемого

лука.

— Многобожие?

Княгиня подняла на Т. удивленные глаза.

— Поздравляю, вы угадали! Именно, граф. Покойный князь был глубочайшим знатоком античности и посвятил меня в тайную доктрину древних. Однако мои духовные способности не внушали ему доверия — и он завел домашний уклад, где каждая деталь должна была напоминать мне об этом возвышенном учении. Князь завещал ничего не менять после его смерти.

— Надеюсь, вас не оскорбит мой вопрос, но что возвышенного в многобожии?

— Современные люди не понимают, что это такое на самом деле. Даже в античные времена суть многобожия открывалась только посвященным в мистерию. Но покойный князь владел древней книгой, которая раскрывала секрет — она сохранилась в единственном списке и была приобретена им в одном итальянском монастыре. По преданию, книгу написал сам Аполлоний Тианский.

— И что там было сказано?

— Во-первых, там опровергалась доктрина сотворения мира.

— Каким образом?

— Дело в том, что эта причудливая теория, заразившая западный ум множеством диких представлений, основана исключительно на аналогиях с жизнью крупного рогатого скота, за которым тысячелетиями наблюдали наши предки. Неудивительно, что у них возникла идея о сотворении. Удивительно другое — эти представления до сих пор лежат в фундаменте всего здания современной духовности...

— Простите, — сказал Т., — но я не могу взять в толк, при чем здесь крупный рогатый скот.

— Скоты оплодотворяют друг друга, а затем рождается новое животное, для существования которого уже не требуется, чтобы его, так сказать, зачинали секунда за секундой. Перенеся это наблюдение на высшие сферы, люди древности решили, что и там действует тот же принцип. Есть подобный зачатию момент творения, в котором участвует божество-гермафродит, оплодотворяющее само себя. Они назвали это «сотворением мира». А дальше, после родов, мир существует по инерции — поскольку он уже зачат и порожден.

— Никогда не думал, что подобное воззрение связано со скотоводством.

— Видите, — сказала княгиня, — концы упрятаны так глубоко, что никому и в голову не приходит эта простейшая мысль.

— А как видели сотворение мира последователи многобожия?

— Они считали, что творение происходит до сих пор — непрерывно, миг за мигом. В разное время нас создают разные божества — или, выражаясь менее торжественно, разные сущности. Если сформулировать доктрину многобожия совсем коротко, боги постоянно заняты созданием мира и не отдыхают ни минуты. Ева ежесекундно возникает из ребра Адама, а живут они в Вавилонской башне, которую непрерывно перестраивают божественные руки. Древние пантеоны богов — просто яркая, но недоступная профану метафора, в которой запечатлено это откровение...

— Мне трудно поверить, — сказал Т., — что эллины строили такие причудливые мистические теории. Насколько я представляю, они были простыми и солнечными людьми. А во всем этом чудится нечто математическое, немецкое. Или даже иудейское.

Княгиня улыбнулась.

— В духовных вопросах, граф, «несть ни иудея, ни эллина». Как это говорил один веселый иудей в те времена, когда эллины еще были... Отчего вы не едите щуку?

— Я стараюсь придерживаться вегетарианской диеты.

— Если вы не будете кушать, — сказала княгиня Тараканова игриво, — я замолчу.

Т. улыбнулся и взял рыбный нож.

— Продолжайте, прошу вас, — сказал он, придвигая к себе тарелку. — Вы не сказали, как именно боги создают нас. Они трудятся над нами все вместе? Или по очереди?

— Имеет место и то, и другое.

— Не могли бы вы пояснить на примере?

— Попробую. Вот представьте себе — некий человек зашел в церковь, отстоял службу и испытал религиозное умиление. Дал себе слово всегда быть кротким и прощать обидчиков... А потом отправился гулять по бульвару и наткнулся на компанию бездельников. И один из этих бездельников позволил себе нелестно выразиться о фасоне панталон нашего героя. Пощечина, дуэль, смерть противника, каторжные работы. Неужели вы полагаете, что у всех этих действий один и тот же автор? Вот так разные сущности создают нас, действуя поочередно. А если вы представите себе, что и в церкви, и во время прогулки по бульвару, и особенно в каторжном заточении наш герой то и дело думал о плотской любви в ее самых грубых и вульгарных формах, мы получим пример того, как разные сущности создают нас, действуя одновременно.

Т. кивнул.

— Я думал о чем-то подобном применительно к смертной казни, — сказал он. — Она лишена смысла именно потому, что несчастный, на которого обрушивается кара, уже совсем не тот человек, что совершил преступление. Он успевает десять раз раскаяться в содеянном. Но его вешают все равно...

— Вот именно, — сказала княгиня Тараканова. — Неужели тот, кто убивает, и тот, кто потом кается — это одно и то же существо?

Т. пожал плечами.

— Принято говорить, что человек переменчив.

— Покойный князь хохотал, когда слышал эти слова. Человек переменчив... Сам по себе человек не более переменчив, чем пустой гостиничный номер. Просто в разное время его населяют разные постояльцы.

— Но это все равно один и тот же человек. Просто в ином состоянии ума.

— Можно сказать и так, — ответила княгиня. — Только какой смысл в этих словах? Все равно что глядеть на сцену, где по очереди выступают фокусник, шут и трагик, и говорить — ах, но это все равно один и тот же концерт! Да, есть вещи, которые не меняются — зал, занавес, сцена. Кроме того, все номера можно увидеть, купив один входной билет. Это позволяет найти в происходящем непрерывность и общность. Но участники действия, из-за которых оно обретает смысл и становится зрелищем, все время разные.

— Хорошо, — сказал Т., — а боги занимаются только представителями благородных сословий? Или простым людом тоже?

— Вам угодно шутить, — усмехнулась княгиня.

— Нет, я вполне серьезен. Как, например, боги создают своим совокупным усилием какого-нибудь пьяного приказчика из лавки?

Княгиня немного подумала и сказала:

— Если, например, приказчик из лавки поиграл на балалайке, затем набил морду приятелю, потом продал балалайку старому еврею, сходил в публичный дом и пропил оставшиеся деньги в кабаке, это значит, что приказчика по очереди создавали Аполлон, Марс, Иегова, Венера и Вакх.

Т. посмотрел в окно, за которым висели невозможно далекие, словно высеченные из мрамора облака.

— Вы говорите интересные вещи, — сказал он. — Но что же в таком случае мы называем человеком?

— Это brochet tarakanoff, — ответила княгиня. — Щука по-таракановски. Именно мистерию человека и символизирует наше фамильное блюдо.

Т. перевел взгляд на рыбного дракона. Прислуживающие за столом лакеи в туниках с серебряным шитьем уже почти полностью разделили его на элементы.

— Посмотрите, — продолжала княгиня. — С первого взгляда кажется, что перед нами настоящий дракон — так уверяют чувства. Но на самом деле это несколько разных рыб, которые при жизни даже не были знакомы, а теперь просто пришиты друг к другу. Куда ни ткни дракона, всюду будет щука. Но все время разная. Первая, так сказать, плакала в церкви, вторая стрелялась на дуэли из-за панталон. А когда невидимые повара сшили их вместе, получилось создание, которое существует только в обманутом воображении — хотя воображение и видит этого дракона вполне ясно...

— Я понял вашу мысль, — сказал Т. — Но вот вопрос. Кто создает богов, создающих нас? Другими словами, есть ли над ними высший бог, чьей воле они подвластны?

— Князь считал, что мы создаем этих богов так же, как они нас. Нас по очереди выдумывают Венера, Марс и Меркурий, а мы выдумываем их. Впрочем, в последние годы жизни князь полагал, что сегодняшнее дьяволичество создают уже не благородные боги античности, а хор темных сущностей, преследующих весьма жуткие цели.

— Допустим, я соглашусь и с этим, — сказал Т. — Но остается главный вопрос. Для простого человека — а я полагаю себя именно таким — в вопросах веры важна не доктрина, а надежда на спасение. Древние верования, изобретенные пусть даже и скотоводами, дают ее. Человек верит, что у него есть создатель, который будет судить его и возьмет затем в вечную жизнь. И откуда знать, может быть, за гробовым порогом эта наивная вера действительно способна помочь. А какое утешение дает душе многобожие, которое исповедовал ваш супруг?

Княжна Тараканова прикрыла глаза, словно припоминая что-то.

— Покойный князь говорил об этом тоже, — сказала она. — Боги не творят нас как нечто отдельное от себя. Они просто играют по очереди нашу роль, словно разные актеры, выходящие на сцену в одном и том же наряде. То, что принято называть «человеком» — не более чем сценический костюм. Корона короля Лира, которая без надевшего ее лицедея останется жестяным обручем...

— Спасение души, судя по всему, вас не заботит.

Княгиня грустно улыбнулась.

— Говорить о спасении души, граф, можно только в те минуты, когда нашу роль играет сущность, озабоченная этим вопросом. Потом мы пьем вино, играем в карты, пишем глупые стишки, грешим, и так проходит жизнь. Мы просто подворотня, сквозь которую движется хоровод страстей и состояний.

— А способен ли человек вступить в контакт с порождающими его силами? — спросил Т. — Общаться с создающими его богами?

— Отчего же нет. Но только в том случае, если его создают склонные к общению боги. Любители поговорить сами с собой. Знаете, как маленькие девочки, говорящие с куклами, которых они оживляют собственным воображением... Почему вы так побледнели? Вам душно?

Но Т. уже справился с собой.

— Вот теперь понимаю, — сказал он. — Но ведь это... Это совсем безнадежный взгляд на вещи.

— Ну почему. Одушевляющая вас сущность может быть полна надежды.

— А как же спасение?

— Что именно вы собираетесь спасти? Корону короля Лира? Сама по себе она ничего не чувствует, это просто элемент реквизита. Вопрос о спасении решается в многобожии через

осознание того факта, что после спектакля актеры расходятся по домам, а корону вешают на гвоздь...

— Но ведь у нас всех, — сказал Т., — есть постоянное и непрерывное ощущение себя. Того, что я — это именно я. Разве не так?

— Об этом князь тоже частенько рассуждал, — ответила княгиня. — Ощущение, о котором вы говорите, одинаково у всех людей и по сути есть просто эхо телесности, общее для живых существ. Когда актер надевает корону, металлический обод впивается ему в голову. Короля Лира могут по очереди играть разные актеры, и все будут носить на голове холодный железный обруч, чувствуя одно и то же. Но делать вывод, что этот железный обруч есть главный участник мистерии, не следует...

Т. посмотрел на блюдо с обезглавленным драконом и вдруг почувствовал непобедимую сонливость. Он клюнул носом и тихо сказал:

— Похоже, ваш покойный супруг знал все тайны мира. А он случайно не говорил с вами про Оптину Пустынь?

Княгиня наморщилась.

— Оптина Пустынь? Кажется, это что-то связанное с цыганами. То ли защитное построение повозок, то ли то место, откуда пришли их предки, точно не помню. Здесь на берегу неподалеку будет табор, можно пристать ненадолго и навести справки... Однако вы, кажется, засыпаете?

— Простите, княгиня. Я, признаться, очень устал. Сейчас я...

— Не беспокойтесь. Отдохните прямо здесь. У меня есть небольшое дело, но скоро я к вам вернусь. А если вам понадобятся слуги, Луций будет ждать на палубе за дверью.

Княгиня поднялась с банкетки.

— Не вставайте, умоляю вас, — сказала она, приближаясь к Т. — Пока вы не заснули, я хочу сделать вам небольшой подарок.

Она подняла руки, и Т. почувствовал холодное металлическое прикосновение. Опустив глаза, он увидел на своей груди медальон на золотой цепочке — крохотную золотую книгу, наполовину утопленную в цветке из белой яшмы.

— Что это? — спросил он.

— Книга Жизни. Амулет достался мне от покойного князя. Он принесет вам удачу и защитит от беды. Обещайте не снимать его, пока вашей жизни угрожает опасность.

— Постараюсь, — дипломатично ответил Т.

Княгиня улыбнулась и пошла к дверям.

Т. сразу же заснул. Ему приснился короткий беспокойный сон — он говорил с княгиней Таракановой, и беседа была очень похожа на только что завершившуюся, но в конце княгиня сделала строгое лицо, накинула на голову темный плат и превратилась в нарисованного на стене черного ангела.

Проснувшись, Т. увидел, что блюдо, на котором лежал сделанный из рыб дракон, исчезло: мифологическую метафору, видимо, уже доедали гребцы и слуги.

«Какая гадость эта составная рыба, — подумал он. — И ведь в словах княгини почти невозможно найти брешь. Единственный вопрос — это о смысле устроенного подобным образом мира. Надо поинтересоваться, что говорил на эту тему покойный князь...»

Но спросить в пустой столовой было некого — княгиня еще не вернулась.

Уже темнело. Комнату наполнил синеватый сумрак, и античные статуи, стоявшие у стен, преобразились — полутьма сделала их белизну мягкой и почти телесной, словно вернув то время, когда эти изувеченные лица и торсы были живыми. Но взгляды каменных глаз оставались холодными и равнодушными — и под ними человеческий мир казался смешным и суетливым фокусом.

Внезапно Т. ощутил тревогу. Что-то было не так.

Встав, он подошел к двери на палубу и открыл ее. За ней никого не оказалось.

Т. понял, что его насторожило — размеренный плеск воды больше не был слышен. Подойдя к борту, он посмотрел вниз. Неподвижные весла торчали во все стороны. Кораблем никто не управлял — он плыл по течению, постепенно поворачиваясь к берегу носом.

В дальнем конце палубы промелькнула быстрая тень.

— Кто здесь? — позвал Т. — Отзовитесь!

Ответа не последовало.

Т. вернулся в столовую, нашел на столе спички и зажег керосиновую лампу. Комната сразу изменилась: огонек изгнал из мраморных статуй их сумрачные души, и темно-синий вечер за окном превратился в черную ночь.

Т. оглядел комнату в поисках какого-нибудь оружия.

На стене тускло поблескивала гладиаторская экипировка: тяжелый шлем с рогом, круглый бронзовый щит и копье, кончавшееся с одной стороны широким лезвием, а с другой — массивным круглым набалдашником, к которому была привязана длинная веревка, обмотанная вокруг древка. Под копьем висела табличка со словами:

МЕТАТЕЛЬНАЯ САРИССА

Древко выглядело крепким и новым, но металлические части, похоже, были настоящей античной бронзой.

Шлем оказался тесным, рассчитанным на древний маленький череп — он неприятно сдавил голову. Прodef руку в кожаные петли щита и подхватив сариссу, Т. взял другой рукой лампу и вернулся на палубу. Она по-прежнему была безлюдной.

Сделав несколько шагов, Т. краем глаза заметил движение рядом и резко повернулся. Перед ним стоял бородатый воин в рогатом шлеме и халате — по виду типичный персиянин из армии Дария. В одной руке у воина была лампа, в другой — щит и копье.

Это было его собственное отражение в одном из окон.

«Каким идиотом я выгляжу», — подумал Т.

Добравшись до кормы, он спустился по знакомой лестнице и осторожно открыл

украшенную изображением Аполлона дверь.

Все люди в трюме были мертвы.

Это стало ясно с первого взгляда. Т. пошел по проходу между скамьями, внимательно глядя по сторонам.

На мертвых лицах не было гримас страдания — скорее, открытые глаза усопших глядели на что-то, оставшееся в прошлом, с недоумением и досадой.

Т. заметил что-то вроде тонкой щепки, торчащей из шеи одного гребца. Склонясь над мертвецом, Т. поднес лампу ближе и увидел маленькую стрелу, похожую на зубочистку с перышком на конце. Такая же торчала из плеча соседнего трупа.

В трюме сильно пахло керосином. Кто-то успел полить им и тела, и пол, и скамьи — на это ушел целый бидон, валявшийся теперь в проходе.

Пройдя дальше, Т. заметил слуг из столовой, одетых в туники с серебряной вышивкой. А затем — саму княгиню Тараканову.

Она сидела в узком пространстве между скамьями, прислонясь спиной к стене; на ее лице застыла удивленная полуулыбка. Стрела-зубочистка попала ей в щеку. На полу перед ней блестели осколки блюда со щукой.

Рядом с Таракановой лежали Луций и четверо неизвестно откуда взявшихся монахов-чернецов, трупы которых смотрелись в таком окружении совсем странно — словно это были жертвы последнего антихристианского эдикта. Видимо, смерть настигла их всех почти одновременно. Один из монахов, упавший на скамью для гребцов, держал в руках странного вида рыболовную сеть с похожими на лезвия кристаллами хрусталя или кварца, привязанными к ячейкам.

С минуту Т. замороженно глядел на искры света в кристаллических гранях, а затем дверь трюма открылась, и на пол упал бледный луч карбидного фонаря.

— Граф Т... Боже мой, в каком виде. А знаете, вам идет этот наряд. Из вас вышел бы недурной гоплит.

Лицо стоящего у двери было скрыто полосой тени, но Т. узнал голос.

— А вы выглядите на редкость безобразно, Кнопф, — сказал он.

Действительно, Кнопф смотрелся не лучшим образом — его мокрый пиджак был покрыт пятнами жирно блестящей грязи или тины.

— Это сделали вы? — спросил Т., указывая на трупы.

— Нет, — ответил Кнопф. — Не я, а стрелы духового ружья, смазанные экстрактом цегонии остролистой.

— Что это такое?

— Растение из амазонской сельвы, которое обладает весьма особенными свойствами. Ботаники называют ее «*segonia religiosa*».

— А кто стрелял?

— Хотите узнать? — отозвался Кнопф. — Извольте.

Он сунул руку за пазуху и вынул оттуда нечто, сперва напомнившее Т. кожаный кошель. Но когда предмет попал в луч фонаря, стали видны седые волосы и презрительно сморщенные черные глазницы.

Это была высушенная человеческая голова на длинной пряди волос — даже не голова, потому что из нее вынули череп, а просто сушеное лицо. От него отходил длинный мундштук. Кнопф поднес его ко рту и дунул.

Раздался низкий вибрирующий звук, похожий на крик ночного зверя. Т. услышал шлепанье босых ног, и по лестнице в трюм скатилось пятеро крохотных существ, одетых в карнавальные фраки, разноцветные жилеты и цилиндры; все это было мокрым и грязным, в таких же пятнах

тины, как на одежде Кнопфа. Обступив Кнопфа, они замерли на месте.

— Вы вовлекли в свои мерзости детей? — брезгливо спросил Т.

— Это не дети, а амазонские индейцы, безжалостные и опытные убийцы. Они не вырастают выше двух аршин. Младшему из них около сорока лет.

— Зачем тогда этот дурацкий маскарад?

— Единственный способ не привлекать внимания в пути, граф, это перевозить наших маленьких друзей под видом цирковых коротышек. Оно, конечно, хлопотно, но приносимая ими польза искупает все трудности. Они действуют совершенно бесшумно, а по своей убойной силе могут сравниться с пулеметной командой...

Пока Кнопф говорил, Т. поставил лампу на лавку и незаметно сбросил веревочный моток с копья на пол.

— Трудно представить себе что-нибудь бездарнее убийства беззащитных людей с помощью яда, — сказал он.

Кнопф хитро покрутил пальцем в воздухе.

— Не все так просто! Их убил не яд. Их убило безверие.

— Что вы имеете в виду?

— Знаете ли вы, почему цегония остролистая называется также «религиозной»? В ней содержится не просто яд, а особый алкалоид с сильным избирательным действием. Он не действует на человека, безусловно и глубоко верующего.

— В кого? В Бога?

— В Провидение, Высшую Силу, Истину, Будду, Аллаха — неважно, как вы это назовете. Главное, чтобы вера была искренней. Когда-то такой яд использовали индейские колдуны для своих магических обрядов, а во времена конкисты про его свойства узнали, потому что он не действовал на некоторых католических миссионеров, хотя убивал обычных грабителей-конкистадоров...

Т. перевел взгляд на покрытый трупами пол. Под сермягой на груди ближайшего гребца тускло блестел медный крест.

— Так вот, — продолжал явно любующийся собой Кнопф, — перед экзекуцией всем этим несчастным, включая хозяйку, было предложено помолиться. Как видите, ни у кого не нашлось веры даже с горчичное зерно.

Т. поглядел на труп княгини Таракановой.

— Но зачем ваша амазонская сволочь убила эту бедную женщину, которая в жизни не обидела и мухи?

— Представьте заголовки петербургских газет, — сказал Кнопф. — «Пожар на яхте сумасбродной помещицы...» Или так — «Отлученный от церкви граф празднует огненную помолвку с княгиней-язычницей...» Экстравагантная смерть не вызовет ни у кого подозрений. Ни один коронер не заметит крошечных ранок на обгоревших трупах.

Т. медленно передвинул ногу и наступил на конец размотавшейся веревки, прижав его к полу.

— Ну а ваш античный шлем, — продолжал Кнопф, — послужит лишним доказательством давно ходящих слухов о вашем помешательстве, граф.

С этими словами он постучал себя пальцами по голове.

— Неплохо, Кнопф, — сказал Т. — Но в ваших рассуждениях есть одна слабость.

— Какая же?

— Вы обратили внимание на мой шлем. Но не обратили на копьё.

Т. перекинул сариссу в свободную руку и показал ее Кнопфу. Тот растянул губы в улыбку.

— Ваше упрямство вызывает уважение — хотя, конечно, отнимает силы и время. Вот

только как же ваш знаменитый принцип непротivления злу? Боюсь, что в этом зловонном трюме вам не удастся соблюсти его в полной мере...

— Забота о моих принципах очень трогательна, — ответил Т. — Но я следую им применительно к обстоятельствам.

— Ну что ж, — промурлыкал Кнопф, — давайте узнаем, есть ли в вас истинная вера... Вам, наверно, и самому ужасно интересно?

Он поднял ко рту свой жуткий мундштук и издал два сиплых гудка.

В руках индейцев-фрачников появились короткие духовые трубки. Они вскинули свое оружие к губам; в ту же секунду Т. присел на корточки, закрывшись щитом. Раздалось несколько звонких щелчков о металл, а вслед за этим Т. страшно прокричал:

— Поберегись!

И швырнул копье в ближайшего из индейцев.

Раздался глухой вой — скорее звериный, чем человеческий. Несчастный упал. Т. рванул на себя веревку, и окровавленное копье опять оказалось в его руке.

— Поберегись! — крикнул он снова.

Бросок, и второй карлик повалился на пол рядом с первым. Третий успел перезарядить свою духовую трубку и выстрелить, прежде чем его сразило копье. Острый шип воткнулся Т. в плечо.

В ту же секунду он почувствовал во рту металлический вкус; в голове загудело, а перед глазами заплясали разноцветные пятна.

«Ариэль, — вспомнил он, — Ариэль...»

Пелена перед глазами сразу исчезла, и головокружение кончилось так же внезапно, как началось.

В Т. попало еще два отравленных шипа — один в ногу, другой в кисть руки. Но яд больше не оказывал действия, и вскоре последний фрачник упал на пол, обливаясь темной кровью.

— Поберегись... — хрипло выдохнул Т.

— В этот раз ваше напутствие несколько опоздало, — меланхолично заметил Кнопф. — Впрочем, бедняга все равно не понимал по-русски... Вы не устаете меня удивлять, граф. Причем удивлять неприятно.

Вынув из кармана револьвер, он попятился к лестнице. Закрываясь щитом, Т. шагнул за ним следом. Грохнул выстрел; пуля под острым углом ударила в щит и отрикошетила в потолок.

Кнопф вновь поднял револьвер, тщательно прицелился и выстрелил. Керосиновая лампа, стоявшая на лавке, подскочила и, лопнув, упала на пол. По доскам поползли желто-голубые огненные змеи. На лице Кнопфа появилась ухмылка.

— Что ж, — сказал он. — Кому суждено сгореть, тот не умрет от яда...

Он навел револьвер на Т., и тот вновь выставил перед собой щит. Но Кнопф не стрелял — он просто держал Т. на мушке, дожидаясь, пока пламя расползется по трюму.

Запахло паленым мясом. Т. чувствовал, что жар подступает со всех сторон; щит в его руке стал нагреваться.

— Прощайте, граф, — сказал Кнопф. — Счастливой дороги в Аид.

С этими словами он захлопнул за собой украшенную Аполлоном дверь.

Т. огляделся. Пустой весельный люк, через который он попал на корабль, теперь был отрезан непроходимой стеной огня. Бросив щит, Т. подскочил к ближайшему веслу, яростным усилием вырвал его из уключины и вытолкнул за борт. Затем он сорвал уже тлеющий халат, протиснулся сквозь узкий лаз, упал в холодную воду, нырнул и поплыл прочь от обреченного судна.

Отплыв, насколько хватило дыхания, он вынырнул и оглянулся. Баржа горела; Т. увидел

привязанную к ее корме лодку, куда перебирались подручные Кнопфа. Сам Кнопф был уже в лодке.

— Вон он! — крикнул один из преследователей. — Смотрите, вон он плывет!

Т. сделал глубокий вдох и нырнул за миг до того, как по воде защелкали пули.

Выбравшись на берег, Т. пошел вниз по реке, прячась в прибрежных зарослях. Зарево пожара осталось позади; вокруг сомкнулась холодная тьма, и вскоре Т. стало казаться, что он не человек, а заблудившийся зверь, крадущийся сквозь ночь — доказательством были его нагота и одиночество.

«Впрочем, — подумал он, — фальшивое чувство. Крадущийся зверь не ощущает себя крадущимся зверем. Хищнику не нужны метафоры — все это слишком человеческое...»

Примерно через час он увидел вдали огни костров, потом услышал звуки гитары, а затем до него долетел сводящий с ума аромат печеных яблок. Это, видимо, и был тот табор, о котором говорила покойная княгиня.

Самая веселая компания расположилась вокруг большого костра у кромки воды. Они пели «Шел мэ вэрсты». Т. любил эту песню.

Чтобы не смутить цыган внезапностью своего появления, он издали запел им в лад. На его голос обернулось несколько человек — но никто не проявил беспокойства, когда в освещенном пространстве перед костром появился голый мускулистый бородач.

Сохраняя дистанцию, Т. присел у огня и с наслаждением стал выпитывать тепло — за время прогулки по берегу он изрядно продрог. Вскоре к нему подошла цыганская девушка, одетая в ворох пестрых платков и тряпок, и протянула глиняную тарелку с двумя печеными яблоками. Т. благодарно принял предложенное, и девушка, покосившись на его золотой талисман, присела рядом.

— Куда путь держишь, офицер? — спросила она хриплым разбойничьим голосом.

«Видимо, — подумал Т., — офицер для нее всякий мужчина, который не цыган. Какая простая вселенная, даже завидно...»

— В Оптину Пустынь, — ответил он.

— А что это такое?

— Так я сам, милая, хотел у вас разузнать.

Цыганка смерила его взглядом.

— Ну погоди, сейчас разузнаешь.

Встав, она ушла в темноту.

Когда Т. доел последнее яблоко, к нему приблизились двое — седой старик, похожий на зажиточного мужика (его принадлежность к цыганскому сословию выдавала только серьга в ухе), и бритый наголо гигант в зеленых шароварах. Торс гиганта покрывали лубочные татуировки, выполненные крайне неискусно и криво, а нос был уродливо расплюсчен.

«Это впечатляет, — подумал Т. — До чего, однако, точный психологический расчет: сразу понимаешь, что такому ничего не стоит убить человека. Ясно по тому, как пошло он себя изуродовал. Ведь из презрения к собственной жизни всегда следует презрение к чужой...»

— Ты спрашивал про Оптину Пустынь? — спросил старик.

— Я, — подтвердил Т.

Старик с гигантом обменялись многозначительным взглядом.

— Думаю, это тот, кого мы ждем, — сказал гигант. — Если полковник правду говорил, куплю новые сапоги.

— Не лютуй, Лойко, — вздохнул старик.

Он повернулся к Т. и показал ему дешевые песочные часы — вроде тех, что встречаются в гимназических кабинетах естествознания.

— Тебе придется доказать, что ты заслуживаешь ответа на свой вопрос, борода.

— Каким образом?

— Ты должен бороться с Лойко и выстоять против него хотя бы две минуты. Останешься живым — узнаешь все, что хочешь.

— Господа, — сказал Т., — здесь какое-то недоразумение. Вы даже не спросили, кто я такой.

— Тебя не спросили, кто ты такой, — отозвался старик, — потому что это не в нашем обычае. Мы цыгане. Но каждый, кто заговорит о том, о чем заговорил ты, должен бороться с Лойко. А если ты тот, кого мы ждем, ты просто обязан бороться.

Перевернув часы, он поставил их на землю и объявил:

— Время!

— Пойдите, — сказал Т., — а кого, собственно, вы ждете?

Гигант, уже протянувший к Т. руки, замер.

— К нашему барону приезжал жандармский полковник, — ответил старик. — Он сказал, что сегодня из реки может выйти голый человек с черной бородой, за которого объявлена награда — за живого или мертвого. Нам не нужна награда за живого, потому что мы цыгане и это будет для нас позором. Но нет позора в том, чтобы получить награду за мертвого — это как продать лошадиную шкуру. Поэтому борись с Лойко, и пусть Бог поможет тебе выстоять.

— А какой смысл вы вкладываете в понятие «выстоять»?

— За то время, пока в часах сыплется песок, ты ни разу не должен коснуться спиной земли. Это не так долго — меньше двух минут. Тогда мы поверим, что ты тот, за кого себя выдаешь

— Но я ни за кого себя не выдаю, — заметил Т.

Старик с гигантом переглянулись.

— Это правда, — сказал старик. — Тогда ты должен доказать, что ты тот, за кого мы тебя принимаем.

— А за кого вы меня принимаете?

— За того, кого ждет наш барон, — ответил гигант Лойко. — Тебе уже объяснили. Жандармский полковник предупредил барона, что может прийти голый человек с бородой.

Т. почесал в затылке, словно пытаясь понять слишком мудреную для него мысль.

— Но для чего мне доказывать, что я голый человек с бородой, если это и так видно?

Цыгане у костра давно затихли и теперь напряженно вслушивались в разговор. На лице гиганта отразилось раздумье. Старик тоже надолго задумался, поглаживая пальцами тяжелый серебряный полумесяц в растянутой мочке уха. Наконец он сказал:

— Голый человек с бородой может быть тот и не тот. Голых людей с бородой много, а награду дают только за одного.

— Да, — согласился Лойко.

— И я уже не уверен, — продолжал старик, — что ты тот голый человек с бородой, про которого говорил полковник. Для того человека ты слишком много болтаешь. Но тебе все равно придется пройти испытание.

— И что будет, если я его пройду? — спросил Т.

— Мы отвеем тебя к барону.

— Хорошо, — ответил Т. — Извольте, я готов. Только скажите, какие приемы мне разрешается применять?

Лойко презрительно засмеялся.

— Любые, какие знаешь.

— То есть совсем-совсем любые?

Лойко кивнул.

— Все это слышали? — спросил Т., обращаясь к сидящим у костра.

— Да, — подтвердил Лойко, пригибаясь к земле и вытягивая перед собой похожие на два полена руки. — Все слышали. Не бойся сделать мне больно...

Он сделал шаг к Т.

— Но тогда, — сказал Т., — я уже прошел ваше испытание.

— Почему? — спросил старик.

Т. указал на поблескивающую в траве колбу.

— Весь песок в часах пересыпался вниз. Извольте свериться. И я ни разу не коснулся спиной земли. Такие уж у меня приемы, господа.

Вокруг костра поднялся шум — цыгане заспорили. Кто-то смеялся, кто-то разочарованно плевал в огонь. Но, судя по всему, серьезных возражений ни у кого не нашлось.

— Какие странные приемы, — сказал старик. — И что это за борьба?

— Она называется «незнас», или «непротивление злу насилием», — ответил Т.

— Ты схитрил, как баба, — презрительно бросил Лойко.

— Еще скажите, сударь, что я веду себя как цыган, — усмехнулся Т.

— Мы еще встретимся с тобой, борода, запомни.

Т. пристально поглядел гиганту в глаза.

— Вам не следует к этому стремиться.

— Почему?

— Встреча закончится не так, как вы предполагаете.

Цыган Лойко ничего не сказал, только недобро ухмыльнулся. Т. повернулся к старику.

— Вы обещали отвести меня к барону, если я пройду испытание? Так ведите...

Цыганский барон оказался приземистым полным человеком, похожим на отставного гусара — он был одет в малиновый доломан со споротыми шнурами. На его морщинистом лице кустились пушистые длинные усы, которые вполне пошли бы полицмейстеру или железнодорожному служащему.

Барон в одиночестве сидел на раскладном стуле у самого дальнего костра; рядом стоял второй такой же стул. Изредка к огню приближалась худая маленькая женщина, чтобы подбросить в него веток, и сразу уходила прочь.

Цыган, сопровождавший Т., подошел к барону, склонился к его уху и долго что-то говорил. Барон несколько раз усмехнулся, глядя на Т., а потом жестом пригласил его сесть рядом.

— Итак, — начал он, когда провожатый удалился, — вы победили Лойко. Кто вы?

— Меня называют граф Т.

— Здравствуйте, граф.

— Здравствуйте, барон, — сказал Т. с еле уловимой иронией. — Зачем нужно было это идиотское испытание?

— Мы стараемся, чтобы из жизни не уходил дух благородного соперничества, — ответил барон чуть виновато. — Иначе мы быстро выродимся в шайку воров.

— Вы знаете, кто я, — сказал Т. — А как ваше славное имя?

— Зачем я стану обременять вашу память, — сказал барон. — Мое имя вам уж точно ни к чему. Пусть я буду просто цыганским бароном. Итак, у вас, кажется, был ко мне вопрос?

— Да, — сказал Т. — Что такое Оптина Пустынь и где она находится?

Барон выпучил глаза в недоумении.

— Как? — переспросил он.

— Оптина Пустынь, — отчетливо повторил Т. — Мне сказали, это что-то цыганское.

Барон надолго задумался.

— Не знаю, — сказал он. — Кажется, я раз или два слышал похожее словосочетание, когда учился в Петербургском университете. Это что-то литературное или мистическое. Но я могу и

ошибаться. Однако совершенно точно, что к цыганскому укладу и обычаю это не имеет никакого отношения.

— Позвольте, — сказал Т., — но ваши люди только что говорили: всякий, кто спросит об этом, должен бороться с Лойко.

— Они по любому поводу так говорят, — махнул рукой барон. — Скучают, кровь играет. Вчера, верите ли, проезжал мимо жандармский полковник — один, верхом на лошади. Направлялся из сестриного имения в город Ковров, который тут неподалеку. Спросил у этих разгильдяев дорогу, так они и его заставили бороться... Он, кстати, успел рассказать, что похожего на вас человека ищут в округе.

— Мне уже говорили, — ответил Т. — Выходит, вы ничем не можете помочь?

— Отчего, — сказал барон, — могу. Ваша победа в поединке накладывает на меня определенные обязательства, поэтому мы обратимся к оракулу нашего табора. Делать это следует только в исключительных случаях, но сегодня у меня тоже есть к нему вопрос.

— Думаете, оракул знает что-то такое, чего не знаете вы?

Барон засмеялся.

— Понимаю ваш скептицизм, граф. И все-таки попробовать стоит. Вы ведь рисковали ради этого жизнью.

Он хлопнул в ладоши, и к нему приблизилась следившая за костром женщина. Барон что-то тихо приказал, и она исчезла в темноте. Через минуту она вернулась, положила к ногам барона вместительный футляр, обтянутый темной тканью, отвесила поклон и снова растворилась во мраке.

Барон вынул из сапога маленький нож. Придвинув к себе футляр, он вспорол пыльную ткань и раскрыл его. Внутри лежала деревянная кукла. Вместо ног у нее была заостренная на конце палка, черная от земли. Цыган воткнул ее в землю (отчего кукла в бессильном возмущении взмахнула руками), а затем вынул из того же футляра курительную трубку с маленькой металлической чашкой и длинным деревянным чубуком. Достав из привязанного к трубке мешочка кусочек какого-то прозрачного вещества, похожего на янтарь или канифоль, он вложил его в чашечку.

— Вы хотите... — начал было Т., но цыган перебил его:

— Не бойтесь, вас не отравят. Мне надо понять, что делать по поводу вчерашнего жандарма, поэтому у вас будет собственный лорд-пробователь... Вернее, барон-пробователь.

Вынув из костра горящую ветку, он поднес ее к металлической чашечке, затянулся и повелительным жестом протянул трубку Т. Тот осторожно взял ее в руки и, стараясь не вдыхать чересчур много, потянул в себя густой терпкий дым. У него сразу же закружилась голова, и он вернул трубку барону.

— Ну как? — спросил барон. — О чем вы теперь думаете?

Т. открыл рот для ответа, и вдруг понял, что ответа нет.

Все мысли, только что заполнявшие его ум, разлетелись и исчезли — остался только треск сучьев в костре, запах дыма и чуть холодящий спину ветер. И еще мелькнуло головокружительное ощущение: словно под ногой подломилась перекладина лестницы, и тело стало невесомым.

Поборов испуг усилием воли, Т. исподлобья поглядел на барона. Тот, видимо, понимал, что происходит — улыбнувшись, он затянулся еще раз, затем положил трубку назад в футляр, указал на куклу, встал и неторопливо пошел прочь от костра. Оставшийся в одиночестве Т. уставился на деревянного истукана.

Это было подобие деревянного Пьеро: кукла печального образа с яйцеобразной головой, поднятыми над переносьем бровями (что придавало ей комически грустный вид) и

прямоугольным подвижным ртом. Ее овальное тело покрывал черный лак; на груди были нарисованы три больших белых помпона, а длинные суставчатые руки кончались шариками, похожими на сжатые кулаки. С этих шарообразных кулаков и подвижной челюсти свисали коротко обрезанные нити. Т. разглядел выступающие из дерева крохотные металлические кольца, к которым они были привязаны: кукла, по-видимому, когда-то служила для представлений в балагане.

Вдруг одна из рук куклы пришла в движение — хотя Т. отчетливо видел, что за обрезки нитей никто не тянул. Поднявшись до уровня головы, рука приветственно помахала, затем прямоугольный рот поехал вниз, и кукла сказала:

— Коман сава, граф?

Она говорила тем же голосом, что и тень на корабле княгини Таракановой.

— Сава, — ответил Т.

— Извините за этот вид, — сказала кукла. — Но если бы я выбрал в качестве медиума кого-нибудь из цыган, у вас наверняка остались бы сомнения в достоверности происходящего. Сейчас их не будет.

— Кто вы такой? — спросил Т.

Деревянный рот куклы издал несколько сухих звуков, похожих на что-то среднее между смехом и стуком.

— Я уже представился в прошлый раз. Я ваш создатель. Мое имя Ариэль. Как и положено создателю, в настоящий момент я творю вас и мир. Я имею в виду, ваш мир.

— Это я помню, — сказал Т. — Но кто вы по своей природе? Вы Бог?

— Лучше считайте меня ангелом, — сказала кукла. — Мне будет приятно.

— Вы падший ангел? Князь мира сего?

Кукла зашлась деревянным смехом.

— Вам не кажется, граф, что слово «падший» применительно к князю мира отдает просто небывалым лицемерием? Люди наперебой соревнуются, чтобы получить у него какую-нибудь работенку, и отчего-то называют его при этом «падший»...

Т. улыбнулся.

— Так учит церковь, — сказал он.

— Да-да, церковь, — повторила кукла. — Считается, церковь противостоит князю мира. Ну не чушь ли? Вот подумайте сами, если бы у обычного околоточного надзирателя в самом что ни на есть жидоедском околотке какой-нибудь бедный еврей открыл корчму, где на вывеске было бы написано «противостою околоточному надзирателю», долго бы он так противостоял?

— Думаю, нет.

— И я тоже так думаю. А если бы такое заведение исправно работало из года в год и приносило хорошую прибыль, это, видимо, означало бы, что тут с околоточным очень даже совместный проект.

— Извините, — сказал Т., — но ведь есть разница между околоточным и князем мира сего.

— Я тоже так думаю, — согласилась кукла. — Князь мира не в пример могущественнее и умнее. И если он позволяет в своем околотке заведения, которые официально и торжественно противостоят околоточному, то это, надо думать, не без особого резону...

— Что вы хотите этим сказать?

— Пока ничего, граф, — хмыкнула кукла. — Так, делюсь наблюдениями. — Просто мне не нравится выражение «падший ангел». Если хотите, считайте меня пикирующим ангелом.

— Что значит — «пикирующий»? Вы с кем-то пикируетесь? Говорите язвительности?

— Нет. Пикирующие ангелы — это такие, которые еще надеются выйти из падения. Не совсем падшие, но вплотную приблизившиеся к порогу, хе-хе...

— Церковь ничего о вас не говорит.

— Мы тоже ничего о ней не говорим, — ответила кукла, — наша позиция по этому вопросу пока неясна. Но по мере вашего приближения к Оптиной Пустыни все решится. Если все пройдет как задумано, вас ожидает трогательное возвращение в церковное лоно. Однако не будем предвосхищать события...

— Вы громоздите одну загадку на другую, — сказал Т. — Ответьте мне ясно и без уверток — кто вы такой на самом деле?

Нарисованные глаза куклы моргнули и холодно уставились на Т.

— А кто такой вы? Что вы знаете про самого себя?

Т. пожал плечами.

— Теперь мало. Меня контузило пулей. Но хоть я и потерял память — временно, надеюсь, — я все же остаюсь самим собой.

— Вспомните что-нибудь конкретное о себе самом. Что угодно.

— Например... Например... — Т. нахмурился, а потом нервно засмеялся. — Я думаю, так любого можно поставить в тупик. Велите человеку вспомнить о себе что угодно, и он растеряется.

— Но вы не помните вообще ничего, не так ли?

— Почему, кое-что приходит на ум. Вот Ясная Поляна, например. Беседки, борозда от плуга... Фру-Фру... Так лошадь зовут...

Т. показалось, что кукла растянула рот в деревянной улыбке — хотя устройство ее рта этого не позволяло.

— Ну это уже я за вас начинаю придумывать. Трудно удержаться.

— Послушайте, Ариэль, — сказал Т., — вы, как я понимаю, можете показаться в любом виде, в каком пожелаете. Почему вы решили стать куклой?

— Это намек.

— На что?

— Вы постоянно спрашиваете, кто такой я. Но ни разу не спросили, кто такой вы. Приходится стать для вас зеркалом.

— Вы хотите сказать... — Т. почувствовал неприятный холодок под ложечкой, — что я кукла? Ваша марионетка, игрушка? Которая кажется живой только тогда, когда кукловод дергает ниточки?

Кукла противно захихикала.

— Почти попали. Но ниточки, как вы видите, обрезаны, и марионетка действует как бы сама. Задумайтесь, чем она занята? Дерется, стреляет, ведет беседы со встречными, убегает от какого-то Кнопфа. Но ничего толком не знает ни про себя, ни про этого Кнопфа. Каждую секунду она ведет себя так, словно движется к хорошо известной цели, но стоит ей задуматься об этой цели, и она с ужасом понимает — цель неясна...

— Почему бы вам не перестать морочить мне голову? — спросил Т., сжимая кулаки. — Покажитесь в своем настоящем виде. Можете вы?

— Могу, — сказала кукла после недолгого размышления. — Но вы будете разочарованы.

— Прошу вас, сделайте это.

— Сегодня уже нет времени.

— Тогда в следующий раз. Обещайте.

— Ну что ж, — вздохнула кукла и поглядела куда-то в сторону. — Пожалуй, и покажусь. А сейчас вам следует отдохнуть, граф. Завтрашний день вы почти полностью проведете в седле. Набирайтесь сил и не мучьте себя раздумьями — скоро вы все узнаете и так. Спокойной ночи.

Т. не успел ничего сказать в ответ — руки куклы, только что занятые мелкой

жестикуляцией, вдруг бессильно повисли; прямоугольник рта отвалился вниз. Теперь перед Т. чернел просто мертвый кусок дерева с нарисованными пятнами глаз. Т. смотрел на него до тех пор, пока из темноты не появился цыганский барон.

В его руках были два свернутых одеяла.

— Устраивайтесь на ночлег, — сказал он. — Утром вы получите вещи, которые велел передать вам оракул.

— Какие вещи?

— Форму жандармского полковника, — ответил барон. — Его оружие, кошелек с деньгами и коня. И какой это конь... Мне придется сделать над собой усилие, чтобы не перерезать вам горло ночью.

— А откуда у вас форма жандарма? И его лошадь?

— Та Лойко заборол. Не волнуйтесь, граф, все произошло по-честному. Жмура мы по реке пустили, а барахло я хотел приберечь, но уж больно оно горячее, как бы весь табор не запылило. Да и не нужны свободным людям сапоги со шпорами. А вам могут пригодиться. Езжайте, а дальше что-нибудь подвернется. Может статься, и найдете свою Пустынь...

Конь, белый иноходец, действительно оказался превосходным — только чересчур горячим. Сначала он попытался сбросить Т. на землю, но, почуяв опытную руку, подчинился человеческой воле.

«Интересно, — думал Т., несясь по пустому утреннему тракту мимо серых изб и придорожных лавок, — как лошадь чувствует разницу между умелым наездником и новичком? На что это для нее похоже? На ношу, которая бывает удобной или нет? Впрочем, поклажа тем удобнее, чем она легче... А если вес одинаков? Наверное, лошадь воспринимает разницу просто как смену собственных настроений. В одном случае она испытывает нервозность, в другом чувствует себя уверенно и спокойно. И, конечно, не догадывается, почему — это просто случается, и все...»

Странно, но мысли о ночном разговоре не тревожили Т. Он вспомнил об Ариэле только раз, вскоре после полудня: белые ивы, стоявшие вдоль дороги, напомнили ему процессию великанов, которые неспешно брели из одной вечности в другую, помахивая множеством тонких серебристых рук, похожих на руки вчерашней куклы. Великаны были древними, добродушными и слепыми; их мелкие многозначительные жесты были адресованы неведомым существам, которые понимали когда-то этот язык, но уже давно вымерли. А слепые деревья не знали про случившееся и жестикулировали так же старательно, как много миллионов лет назад.

Обещание Ариэля сбылось — Т. действительно провел весь день в седле. Когда солнце склонилось к западу, он остановился у маленькой железнодорожной станции, чтобы перевести дух и поесть в станционном буфете.

Половой, верткий малый с карандашиком, торчащим из кармана засаленного передника, внимательно оглядел молодого жандармского полковника, а затем, даже не скрываясь, сверился с какой-то сложенной бумажкой.

«Вероятно, — подумал Т., — там описание примет. Не следует спрашивать здесь про Оптину Пустынь — могут наврать или отправить напрямиком в западню...»

Пообедав, он подозвал полового.

— У вас есть телеграфный аппарат?

— Есть, — сказал половой. — Желаете дать телеграмму?

— Нет, — презрительно бросил Т. — Просто пытаюсь сообразить, сколько у меня времени, любезный.

Половой осклабился, словно не поняв барской шутки, но по его покрасневшим ушам Т. понял, что попал в точку. Бросив на стол рубль, он вышел во двор, вскочил на коня и, не оглядываясь, помчался вперед.

Вскоре дорога вывела в богатое село со свежевыкрашенной белой церковью. У церковной ограды сидел печальный одноногий солдат в полинявшем сером мундире.

— Не знаешь, где тут Оптина Пустынь? — спросил Т., нагибаясь к нему с лошади.

— Это про которую мужики бають? — переспросил солдат. — Которое недавно устроили заведение?

Т. решил, что служивый выжил из ума.

— Как это «недавно устроили заведение»?

— А значить, по-любому все прямо, ваше благородие, — сказал солдат и махнул рукой, — далеко еще буде. Дорог тут только две, и обе в одну сторону. Хучь по первой поезжайте, хучь по второй. А хочешь покорооче, тогда через лес. Там развилка, так можете взять любую сторону. После леса еще пять верст по большой дороге, и будет город Ковров, там обе дороги сходятся. А

уж за ним и твоя пустынь, и все что хошь.

— Благодарю, — ответил Т.

Он решил поговорить еще с кем-нибудь на выезде из села — но не успел.

Преследователи ждали за ветхим двухэтажным домом с обвалившейся трубой, прячась среди яблонь запущенного сада. Они выехали на дорогу и помчались следом, как только Т. миновал их укрытие. Густые усищи скакавшего впереди Кнопфа заворачивались вверх, словно клыки атакующего вепря.

«Как он только успел? — думал Т., погоняя коня. — Наверно, проехал ночью несколько станций на курьерском. Им ведь известно, куда я направляюсь и зачем... Хотя нет. Как это может быть им известно, если это неизвестно мне самому? Кнопф ведь не знает, где эта Оптина Пустынь. Или он врал? И почему они не стреляют? Впрочем, понятно. Не могут же эти штатские штафирки стрелять в жандармского полковника у всего села на виду. Так их за нигилистов примут».

Догадка была верной. Как только последние дома скрылись из виду и дорога нырнула в лес, сзади захлопали выстрелы. Одна из пуль сбила с дуба впереди ветку. Т. пригнулся к шее коня, пустил его еще быстрее и стал постепенно отрываться от преследователей.

Чем дальше в лес уходила дорога, тем выше становились деревья по ее краям. Вдруг Т. увидел, что путь впереди разделяется надвое, как бы разбиваясь о невысокий пригорок, покрытый кустами. За пригорком был овраг, узкий и глубокий, совершенно скрытый зарослями лозы — Т. еле успел осадить лошадь на самом его краю. Решение созрело у него мгновенно — отъехав назад, он жестоко пришпорил коня и с разгону перескочил зеленую стену.

Для менее опытного наездника это могло бы закончиться падением вниз и смертью, но Т. приземлился между деревьями на другом краю оврага. У него хватило времени только на то, чтобы развернуть коня — преследователи уже выезжали к развилке.

Когда Кнопф и его спутники появились из-за деревьев, Т. подумал, что они похожи на компанию путешествующих коммивояжеров, одетых с щеголеватой безвкусицей и вооруженных на всякий случай отменными револьверами. Их было хорошо видно сквозь просветы в листве: они остановились и некоторое время озадаченно смотрели на дорогу, раздваивающуюся перед заросшим лозинами пригорком.

Кнопф поднял ладонь в желтой перчатке, призывая к тишине. И в этот самый момент лошадь Т. заржала.

— За ним, живо! — заревел Кнопф. — Он прямо впереди!

Всадники лихо рванули вперед, заставляя лошадей прыгать через кусты — и веселое кавалерийское гиканье сразу же сменилось криками ужаса и боли. Кнопф, въехавший на пригорок последним, успел удержать лошадь и подъехал к оврагу осторожно и медленно.

На дне оврага бились кони и люди. Один из упавших пытался выбраться из-под лошади, другой полз вверх по склону, волоча нелепо вывернутую ногу. Третий, оглушенный падением, сидел на земле, медленно водя головой из стороны в сторону. Четвертый был мертв.

Кнопф поднял глаза. В просвете между деревьями с другой стороны оврага появился всадник — чернобородый жандармский офицер. Он сдерживал коня, бившего копытом в землю. Кнопф потянулся за оружием, но тут же увидел в руке Т. направленный на себя револьвер.

— Неужели вы думаете об убийстве, — презрительно молвил Т., — когда рядом страдают ваши товарищи? Ведь им нужна помощь...

— Не читайте мне нотаций, граф, — проговорил Кнопф. — Если кто и виновен в мучениях этих людей, так это вы.

— Вы лжете, — ответил Т. — Я не прикоснулся к ним и пальцем.

Кнопф презрительно захохотал.

— Вот именно! Вы хуже убийцы — убийца хотя бы берет на себя ответственность за совершаемое. А вы... Вы трусите убивать сами и принуждаете свою жертву умереть как бы по собственной воле. Ваши руки по локоть в крови, но вы считаете их чистыми, потому что на них перчатки.

Т. пожал плечами.

— Не говорите ерунды, Кнопф. Я никого не принуждал прыгать в этот овраг. Больше того, я был бы счастлив, если бы эти господа выбрали себе какую-нибудь другую забаву вместо того, чтобы гнать меня, словно зайца, паля мне в спину. Почему вы меня преследуете?

— Ваше лицемерие просто безгранично. Как будто вы этого не знаете.

— Но я действительно этого не знаю.

— Может быть, вы станете отрицать, что пытаетесь пробраться в Оптину Пустынь?

— Не стану, — ответил Т., — хотя...

Он собирался уже сказать «хотя впервые услышал об этом от вас в поезде» — но сразу понял, каким сарказмом взорвется Кнопф.

— Что «хотя»? — спросил Кнопф.

— Ничего. Это, по-моему, еще не повод, чтобы отправлять за человеком банду убийц и называть его лицемером, если он пытается остаться в живых...

Т. глянул вниз и резко поднял свою лошадь на дыбы. В тот же миг в овраге хлопнули два выстрела. Обе пули впились лошади в живот. Т. плавно соскользнул с ее спины на землю, и жалобно заржавшее животное обрушилось прямо на стрелка, который успел подняться к самому краю оврага. Два тела — человеческое и лошадиное — скатились вниз; стрелок, придавленный тяжелой тушей, издал короткий утробный стон и замер.

Оказавшись на земле, Т. удержался на ногах и немедленно взял Кнопфа на прицел.

— Вы и ваши подручные омерзительны, сударь, — сказал он сыщику. — Берегитесь, не испытывайте мои принципы на прочность. В один прекрасный день я могу свернуть вам шею.

— Полагаю, — ответил Кнопф ядовито, — я узнаю о приближении конца по сострадательному крику «поберегись!».

Т. ничего не сказал в ответ — держа Кнопфа на мушке, он попятился от края оврага. Когда силуэт сыщика скрылся за листьями, он развернулся и пошел в глубину леса.

Как всегда после избегнутой опасности, все его чувства обострились. Теперь они жадно впитывали звуки и краски мира: щелканье вездесущих соловьев, молитвенный плач кукушки, невыразимые цвета летнего вечера. Пахло вечерней свежестью и далеким дымом. Постепенно в душу снизошли покой и почти молитвенное умиление.

«Каким бы ни был создатель, — думал Т., — ему следует покориться... Не стоит в гордыне считать себя умнее мириадов прошедших по земле людей. Но как обратиться к нему? Да как угодно. Например, так: Ариэль, светлый ангел, создающий меня и мир... Хочется верить, что светлый... Покажи мне дорогу и дай знак! Если я иду к тебе — значит, это не я хочу тебя увидеть, а ты сам во мне желаешь, чтобы я нашел тебя. И поэтому ты обязательно выйдешь мне навстречу...»

Но даже если эти мысли и были похожи на молитву, она оставалась без ответа.

Чем дальше в чашу уходил Т., тем темнее и гуще становился лес. Все холодней и отрешенней куковала далекая кукушка, все мрачнее мерещились соловьиразбойники в переплетениях покрытых мхом ветвей. Тяжкая сырость сгущалась в воздухе, и вскоре настроение Т. переменилось.

«Да, Ариэль может быть моим творцом, — думал он, пробираясь через густую поросль орешника. — Но отчего я думаю, что мой творец благ? Подумаешь, создатель... Великое дело... Любой пьяный солдат способен стать создателем новой жизни. Быть может, я просто результат

неумелого опыта? Несчастливая случайность? Или, наоборот, я сотворен для того, чтобы испытать безмерное страдание и угаснуть?»

Неподалеку закричала хриплая старая птица. Ее крик был одновременно жутким и смешным — словно лай простуженной болонки, которая четверть века назад потерялась в лесу, но ничего не забыла и ничему не научилась. Т. усмехнулся.

«Вот такой песней, — подумал он, — быть может, и надо славить господу этих мест...»

Стало темнеть. Теперь на Т. со всех сторон брела синяя стена сумрака, в которой чернели разлапистые силуэты деревьев. Т. поднял руки ко рту и закричал:

— Ариэль! Довольно терзать меня! Я хочу тебя видеть! Ты обещал показаться таким, каков ты на самом деле!

И вдруг в лесу поднялся ветер. Он быстро достиг такой силы, что с деревьев полетели листья и сухие ветки. Несколько поднятых в воздух прутьев больно хлестнули Т., и он закрыл лицо руками. Ветер дул все яростнее — он на тысячу голосов выл и стонал вокруг, будто заклиная одинокого путника на всех забытых языках не искать страшной тайны, к которой он так неосторожно приблизился. Т. пришлось схватиться за старую осину, чтобы удержаться на ногах. Тогда ветер стих — так же внезапно, как начался.

Т. отпустил ствол. Вокруг было уже совсем темно — стемнело неправдоподобно быстро, как бывает перед грозой. Но теперь не оставалось сомнений, что он услышан.

Далеко между деревьями мигнул огонек странного бело-голубоватого цвета. Как только Т. увидел его, огонек погас, а потом вспыхнул опять и разгорелся так ярко, что на земле стали видны тени от деревьев.

Опасаясь, что огонек исчезнет так же неожиданно, как появился, Т. заспешил вперед.

Источником света оказался висевший на ветке фонарь кубической формы с круглым стеклом, за которым ослепительно сияла короткая полоса белого огня — это было не керосиновое или карбидное пламя, и даже не электрическая дуга, а какая-то другая, незнакомая энергия или субстанция. Фонарь горел так ярко, что все находившееся позади него сливалось в сплошную черноту.

Выйдя из конуса света, Т. остановился, чтобы дать глазам отдохнуть. Когда они вновь привыкли к полутьме, он увидел шатер из светлой ткани. Перед ним развевался флаг — широкое белое полотнище с буквами «А-Ъ» билось в воздухе, несмотря на полное отсутствие ветра. Это было столь явное и настолько бессмысленное чудо, что Т. непроизвольно нахмурился.

Не решаясь войти в шатер, он остановился у входа. Тогда внутри загорелся свет.

— Заходите, граф, — раздался знакомый голос. — Я давненько вас жду.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Купить бумажную книгу](#)